

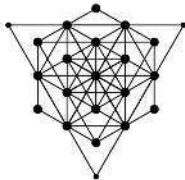

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ЗВЕЗДНАЯ ТЕНЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия «Книги Сергея Лукьяненко»

Серийное оформление *Е. Фerez*

Художник *С. Неживясов*

*В тексте использованы стихи Жака Превера
«Но тень, твоя тень...», «Голос детства» в переводе М. Яснова
и «Память» в переводе Л. Цивьяна*

Лукьяненко, Сергей Васильевич.
Л84 Звездная тень : [фантастический роман] / Сергей Васильевич Лукьяненко. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Книги Сергея Лукьяненко).

ISBN 978-5-17-106174-6

Люди не смирились с ролью «космических извозчиков», обслуживающих сильные расы. Люди боролись за свободу. За право быть в космосе не прислужниками могущественных господ, но — равными среди равных.

И вот они добились своего.

Но достигнутый хрупкий мир висит на волоске.

Когда этот волосок оборвется, война начнется снова. И в этой войне уже не будет правил. В ней будет единственный закон: цель оправдывает средства!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106174-6

© С.В. Лукьяненко, 1998
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

На космодромах трава не растет. Нет, не из-за свирепого пламени двигателей, о котором так любят писать журналисты. Слишком много отравы проливается на землю при заправке носителей и при аварийных сбросах горючего, при взрывах ракет на стартовом столе и мелких, неизбежных протечках в изношенных трубопроводах.

Но этот космодром — не земной.

Я сидел на траве, на самом краю огромного неогороженного зеленого поля. Его можно было счесть теннисным кортом для великанов или порождением больной фантазии помещанного на гольфе миллиардера.

Впрочем, здесь деньги не в ходу.

Лицо саднило, словно какой-то невидимый садист тер изнутри кожу наждаком. Поскольку так оно и было, я старался не обращать внимания на боль.

На зеленой ладони космодрома в хаотическом беспорядке торчали маленькие серебристые кораблики. Недавно я уже стоял здесь, но тогда мое одурманенное сознание не могло оценить зрелище с точки зрения землянина. А теперь... теперь я умножал боевую мощь каждого корабля на их общее количество, потом — на предполагаемое число космодромов планеты, добавлял неизвестные — те корабли, что были в космосе или на планетах Друзей, а также крейсера, которые вообще не покидают орбит. Результат, конечно, получался весьма приблизительный. С разбросом в целый порядок.

Но какая разница, что упадет на голову — тонна кирпича или десять тонн?

Покусывая травинку, я откинулся на спину. Посмотрел в небо. Что может быть более неизменным в любом мире и в любое время? Лежать, чувствуя кислый сок на губах, чувствовать, как засасывает, тянет бесконечное небо... Как переворачивается мир, и вот уже не ты валяешься на спине, расслабленный и ленивый, прищуренно вглядывающийся в бездну, а вся планета лежит на твоих плечах, и ты держишь её над небом. Последний и единственный атлант...

Травяной сок был горьким и едким, его родила чужая земля. А небо покрывала узорная вязь *облаков-для-приятно-прохладной-погоды*. Сквозь такую решетку не упадешь.

Не мне держать этот мир на плечах.

Я повернул голову, заставляя планету лечь мне под ноги. Посмотрел на неподвижное тело, лежащее рядом. Мужчина был жив, но сознание к нему вернется не скоро.

— Куалькуа, ты закончил? — вслух спросил я.

Да. Ваши лица и кожный покров идентичны, — беззвучным шепотом отозвался симбионт.

— Спасибо.

Мимикрировать фигуру?

Мужчина был и плотнее, и выше меня. Маскировка не помешала бы. Но сама мысль о новой боли, которую принесет перестройка тела, вызвала легкую панику.

— Не надо.

Присев на корточки, я начал стягивать с чужака одежду. Хорошо, что здесь предпочитают свободный покрой.

— Как думаешь, прорвемся? — спросил я существо, жившее в моем теле.

Возможно.

У куалькуа нет ни деликатности, ни страха смерти. Последнее время мне это стало нравиться.

Облачившись в одежду чужака, я встал во весь рост. В полукилометре виднелись низкие здания без окон. Ангары? Ремонтные мастерские? Заправочные базы?

— Может быть, корабль Римера еще не уничтожен? — риторически спросил я. — Хорошо бы вернуться на нем...

Куалькуа не ответил, но, странное дело, мне показалось, что я уловил отзвук его эмоций. Легкая ирония, симпатия и одобрение.

Возможно ли, чтобы существа, используемые как живые механизмы, как броня и устройства наведения торпед, настолько сроднились с техникой? Возможно ли, что сентиментальность в отношении корабля стала для них редким достоинством?

— Пора домой, — сказал я.

Тому, у кого он есть...

— А вы...

Когда-то наша раса не согласилась с решениями Конклава. Мы взбунтовались. У нас была планета. Теперь там пыль.

Я молчал, глядя на зелень космодрома.

Иди, Петр. Тебе есть куда возвращаться.

— Надеюсь, — сказал я. — Надеюсь.

Часть первая

ЗЕМЛЯ

Глава 1

Красно-фиолетовая эскадра Алари. Сотня кораблей, патрулирующих границы Галактического Конклава.

Сквозь корпус, ставший прозрачным, я смотрел на рассыпанные в небе блестки. Стоило остановить взгляд на каком-то корабле, как его изображение увеличивалось. Хорошая технология у Геометров.

Но разве в ней дело?

Есть в мире вещи посильнее оружия — воля, сила духа, уверенность в своей правоте, сплоченность. Что может противопоставить Конклав цивилизации Геометров? Дрязги и раздоры, глухое недовольство Слабых рас, самоуспокоенность и пресыщенность Сильных. Все шаткое равновесие рухнет в один миг. А если еще постараются регрессоры...

Капитан, мы движемся принудительно.

— Подчиняйся, — сказал я.

Ситуация опасна.

— Все в порядке. У меня есть инструкции. Это послужит благу Родины, — оборвал я корабль.

Разведывательный кораблик, принадлежащий Римеру, я так и не нашел. Видимо, он уже был уничтожен. На всякий случай. Впрочем, может быть, это и к лучшему. К компьютеру, вобравшему в себя часть памяти Ника, его манеру общения, его стихи, я невольно стал бы относиться как к разумному существу. А с этой машиной, новенькой, никому и никогда не

принадлежавшей, было проще. Геометры ухитрились сделать своих борт-партнеров чертовски сообразительными, способными к вольному общению и нестандартным реакциям. И при этом оставить их только машинами.

Наверное, что-то правильное в этом есть. Не зря же ни одна раса Конклава не использует, по крайней мере широко, системы искусственного интеллекта, предпочитая прибегать к услугам Счетчиков, Куалькуа или иных узкоспециализированных существ. В самой мысли о создании нового разума, возможного конкурента, есть что-то пугающее. Но вот почему Геометры, с их заикленностью на единстве и дружбе, упускают подобный шанс? Может быть, когда вмешивается инстинкт выживания расы, вся идеологическая шелуха облетает?

Ситуация очень опасна, — скорбно сообщил корабль.

— Подчиняйся. Мы проводим миссию Дружбы.

Хорошо, когда идеология стоит на первом месте. Даже если Геометры допускали возможность угона корабля — они не позволили ему испытывать подобные сомнения. С заглушенными двигателями мы вплыли в центр эскадры, к флагманскому кораблю. Прошла всего неделя с момента, когда я увидел его в первый раз. Тогда огромный диск производил жалкое впечатление. В своей попытке захватить корабль Геометров целым и невредимым Алари преуспели, но урон понесли изрядный. Сейчас же флагман казался абсолютно новеньким. Грозная, неспособная проиграть боевая машина...

Куалькуа, — подумал я. — Твои сородичи участвовали в ремонте?

Да, — последовал беззвучный ответ. — Мы помогли в горячих зонах.

Но ведь это опасно и для вас?

Ну и что?

Потрясающее равнодушие к смерти. Небывалое. Что-то крылось за подобным поведением амебообразных существ, но никто еще не мог понять, что именно.

В центре флагманского корабля открылся люк. Шлюзов никаких не существовало, воздух удерживался силовым щи-

том. Мы падали в проем — это выглядело именно падением, потом я ощутил легкую дурноту, когда гравитационные поля кораблей вступили во взаимодействие.

— Отключить гравитацию, — приказал я, когда мы оказались внутри флагмана. — Все защитные системы заглушить. Открыть кабину.

На этот раз кораблик повиновался беспрекословно, словно решив, что снявши голову по волосам не плачут. Кабина раскрылась, я почувствовал легкий пряный запах чужого, нечеловеческого обиталища. Похожий на пещеру ангар флагмана был освещен крайне скудно, неподвижные фигуры алари едва виднелись.

Мне стало не по себе.

Неделю назад я прорывался сквозь их ряды. Отважный герой, не помнящий, кто он такой, щедро раздающий затрешины и полосующий ножом налево и направо... А на моем пути стояли техники и инженеры, все, не имеющие навыков рукопашного боя. Требовалась иллюзия схватки — и она была достигнута. Если бы мне навстречу вышли несколько настоящих десантников, да еще в хваленых аларийских бронекостюмах, — никуда бы я не прорвался.

Мохнатые тела вокруг ждали. Как они смотрели на меня? С пониманием — ведь знали же, на что идут? С ненавистью — на моих руках кровь их товарищей? С любопытством — я все-таки вернулся, принес информацию?

— Где мои друзья? — спрыгивая на пол, спросил я. — Алари!

Молчание. Потом вперед вышел черный алари в золотистой тунике.

— Командующий? — спросил я.

— Приветствую на борту, Петр Хрумов, — сказал переводчик-куалькуа, уродливым наростом болтающийся на шее командующего. — Мы рады, что тебе удалось вернуться.

В двух местах на его теле шерсть прикрывали белые повязки, вряд ли имеющие отношение к одежде. Уж не следы ли это моих ударов?

— Где мои друзья? — снова спросил я.

— Они спят. По вашему времени — период отдыха.

— Ничего, разбудите, они не обидятся... — сказал я.

Если алари задумали подвох, то я обречен... Но в эту минуту из дальнего туннеля показались две человеческие фигуры. Данилов и Маша. Они бежали ко мне, и я почувствовал, как отпускает, наконец-то отпускает напряжение.

Мне все-таки было куда возвращаться.

Вот только почему улыбки на их лицах такие вымученные?

— Петр! — Данилов сгреб меня в объятия. Потряс, заглядывая в лицо. — Сукин ты сын! Вернулся!

Маша вела себя спокойнее. Она просто улыбалась, и, странное дело, это непривычное для нее занятие делало девушку гораздо симпатичнее.

— Привет, — сказала она, протягивая руку и легонько касаясь моего плеча. — Здорово. Мы очень боялись за тебя.

Я покосился на туннель, но оттуда больше никто не появился.

— Где дед? — недоуменно спросил я.

— Он спит, — быстро ответил Данилов. — Он сейчас спит.

Алари не вмешивались. Сомкнулись вокруг мохнатым кольцом, с любопытством наблюдая за встречаей. Я поискал взглядом командующего, спросил:

— Во время моего побега... я...

— Ты убил троих, — не дожидаясь окончания, ответил командующий.

А чего, собственно, мог я ожидать? Хорошо, что только троих. Вокруг были *не-друзья*, и плененный регрессор Ник Ример не церемонился...

Данилов легонько сжал мою руку.

— Командующий... — начал я.

Глупо извиняться и просить прощения. Не та вина, когда можно отделаться словами. Но что мне еще остается?

— Петр Хрумов, как представитель расы Алари я прошу у тебя прощения, — сказал командующий.

Я уставился в блестящие черные глаза. Нет, он не издевался.

— Мы вынудили тебя преступить законы твоей цивилизации, — сказал командующий. — Тебе пришлось убивать союзников. Наша вина огромна, но мы не видели иного выхода.

Нет, я не почувствовал облегчения от этих слов, в корне изменивших ситуацию.

И может быть, это то единственное, что оставляет мне право уважать себя.

— Командующий, я прошу прощения у расы Алари, — ответил я. — Скорблю о тех, кто стал жертвой.

Алари молчал. Какими бы разными ни были наши этические принципы, он не мог не переживать за погибших членов экипажа. Иначе он вряд ли командовал бы флотилией. Власть дает право принимать и требовать жертвы, но не избавляет от боли. Конечно, если это власть, а не тирания.

— Их жертва не была напрасной? — спросил командующий. — Ты побывал в мире Геометров?

— Да. — Я махнул рукой в сторону своего кораблика. — Это ведь другой аппарат. Тот, на котором я улетел, разобран и уничтожен.

— Почему?

— Потому что побывал в плену.

Данилов торжествующе посмотрел на Машу, и у меня закралось подозрение, что девушка была не прочь установить на кораблике Римера десяток-другой «жучков».

— Хорошо, что ты избежал той же участи, — сказал командующий.

— С трудом, — ответил я.

Алари качнул головой. Наверное, копируя человеческие жесты, но при его мышинной морде это выглядело комично.

— Цивилизация Геометров может стать союзником Слабых рас? — спросил он.

Вопрос был хорош.

Лучший вопрос сезона...

— Она может стать новым господином для Слабых, — ответил я. — Она вберет нас в себя. Подарит свою идеологию. Примет в свой круг.

— Невозможно насильно сменить идеологию развитого общества, — отпарировал алари.

— А мы недолго останемся развитыми, — сообщил я.

Черные мышинные глазки буравили меня насквозь. Потом командующий посмотрел на собравшихся вокруг — и алари брызнули в стороны. За десять секунд всех как ветром сдуло.

— Пойдем, Петр. — Алари протянул лапу, легонько толкнул меня в бок. — Ангар не то место. Комната для докладов ждет.

— Для докладов или для допросов?

— Это зависит от ситуации.

Судя по размерам «комнаты для докладов», здесь порой перед мышами отчитывались слоны.

Бугристая поверхность стен, обычная для аларийских кораблей, была тускло-оранжевого цвета, несколько осветительных сегментов тлело тускло и тревожно. Я полусел-полулег на покатоое мягкое кресло, за мной закрыли люк. Немножко походило на заточение.

— Петя, — раздался откуда-то голос Данилова, — Алари просят разрешения пустить газ.

— Какой еще газ?

— Легкий транквилизатор. Для облегчения воспоминаний. Это абсолютно безвредно.

Звучало достаточно неприятно. Я пожал плечами, посмотрел в потолок.

— Валяйте.

Не было ни звуков, ни запахов. Только закружилась голова и свет словно бы стал ярче.

Ничего похожего на действие наркотика я не ощутил. Наверное, алари просчитались и их транквилизатор на людей не действует...

Потом накатила скука. Сколько я уже так лежу? Минуту, две? Чертовски много! Нельзя же так разбазаривать драгоценное время! От тоски можно помереть! Я заерзал, борясь с желанием встать и уйти.

— Петр, — я узнал голос командующего, — расскажи о том, что произошло с тобой после побега. С того момента, как ты оказался в корабле.

Его вопрос принес облегчение. Появилось хоть какое-то занятие!

— Меня звали Ник Ример, — сказал я. — Это сообщил мне корабль, используя неголосовой канал общения. Я был разведчиком и регрессором. Первое понятно, а работа регрессора заключается во внедрении в чужое общество и снижении уровня его развития. Это делается как подготовительный этап перед развитием цивилизации по правильному пути.

— Что такое правильный путь? — спросил алари.

— Дружба. Единство всех цивилизаций, их совместная космическая экспансия.

— С какой целью?

— С целью дружбы. Это замкнутый цикл развития, цивилизации поглощаются с целью поиска и приобщения новых.

После короткой паузы командующий спросил:

— Смысл?

Какой же он тупой!

— Никакого.

— Раса Геометров главенствует над поглощенными расами?

— Нет. Главенствует идея.

В разговор вмешался кто-то другой:

— Петр, продолжай рассказ.

— Привет, Карел, — я не удивился, узнав счетчика. — Мой дед далеко?

— Он здесь.

— Позови его.

Последовала короткая пауза, потом я услышал:

— Здравствуй, Петя.

— Привет, — сказал я в потолок. — Ты как, нормально? Голос у деда был какой-то усталый и безрадостный.

— Да, насколько это возможно. Рассказывай, малыш. Как ты управлял кораблем Геометров?

— Давал общие указания. У него достаточно мощная система внутреннего интеллекта. Но... кастрированная.

— Поясни, Петя.

— Полагаю, компьютер корабля находится на грани полноценного разума. И он способен обучаться. Но почему-то не осознает себя.

— Да, мы предполагали. Это очень изящно реализовано, Петя. Их компьютеры не становятся разумными, потому что уже считают себя такими.

— Что? — Мне очень хотелось рассказывать самому, и все же я не удержался от вопроса.

— Более того. В каком-то смысле... — дед хихикнул, — каждый компьютер Геометров считает себя единственно разумным существом во Вселенной. Богом, если угодно. Он воспринимает реальность как игру своего воображения. Система такой мощности пришла бы к осознанию себя, не считай она эту задачу уже выполненной.

— Опасный путь, — решил я.

— Нет, Петя. Наиболее удобный. Единственно возможный, быть может. Узник не станет стремиться на волю, если считает себя свободным.

— Как я рад тебя слышать, дед, — помолчав, сказал я. — Знаешь... мне тебя не хватало.

Пауза была короткой и неловкой. Слишком многие сейчас слушали наш разговор. Не время для сантиментов.

— Рассказывай дальше, Петя, — попросил дед. — Этот газ вызывает болтливость и стремление поделиться информацией. Не мучайся.

— У Геометров очень хорошие корабли, — сказал я. — Они не используют джамп, но скорость их передвижения во внешнем пространстве превышает все доступное Конклаву. Посколь-